

Оглавление

<i>Книга первая.</i> Подземный свет	5
<i>Книга вторая.</i> Проказники	105
<i>Книга третья.</i> Мирские соблазны	203

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОДЗЕМНЫЙ СВЕТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Смертный в Подземье

Однажды ночью Азрарн, Князь Демонов, один из Владык Тьмы, принял ради развлечения облик огромного черного орла. К востоку и к западу летал он, взмахивая широкими крыльями, к северу и к югу, ко всем четырем сторонам света, ибо в те времена земля была плоской и плыла по океану хаоса. Он посмотрел на вереницы огоньков внизу — то люди со светильниками, крохотными, как искры, шли друг за другом; посмотрел на морские валы, что разбивались о скалистые берега, вздымая соцветья белой пены. Он оглядел — с презрением и иронией — высокие каменные башни и широкие стены городов, опустил на мгновение на парус величественной галеры, где царь с царицей сидели и вкушали медовые соты и перепелов, в то время как гребцы трудились у весел; а потом он сложил чернильно-черные крылья на кровле храма и

громко рассмеялся над потугами людей уразуметь природу богов.

А когда он возвращался к центру мира за час до рассвета, Азрарн, Князь Демонов, услышал женский голос, и донесся до него плач, одинокий и горький, как зимний ветер. Снедаемый любопытством, он пал на землю у склона голого, подобно кости, холма, у двери жалкой лачуги. Там он встал, и прислушался, и принял облик человека — ибо, будучи тем, кем был, мог принять любой облик по своему желанию,— и зашел внутрь.

Перед умирающим пламенем очага лежала женщина, и он тут же увидел, что и она, как то было обычно для смертных, тоже умирает. Но в руках она держала новорожденное дитя, закутанное в шаль.

— Отчего ты плачешь? — не в силах отвести глаз, спросил Азрарн, прислонясь к двери.

И был он чудо как красив, и волосы его блестели, подобно иссиня-черному пламени, и одежды его были одеждami ночи из великолепных ночей.

— Я плачу, ибо жизнь моя обернулась жестокостью и теперь я обречена умереть,— ответила женщина.

— Если жизнь твоя обернулась жестокостью, ты должна быть довольна, что покидаешь ее. Поэтому утри слезы, каковые в любом случае ничем тебе не помогут.

И тут глаза женщины и впрямь высохли и полыхнули гневом, причем почти так же ярко, как угольно-черные глаза незнакомца.

— О низость! Да проклянут тебя боги за твои насмешки, ибо это последние мои мгновения! Все дни я трудилась в муках и боли, и я бы умерла без единого слова, если бы не этот мальчик, которого я принесла в этот мир лишь несколько часов назад. Что станет с моим дитятей, когда я умру?

— Оно, без сомнения, тоже умрет,— ответил Князь.— Так возрадуйся же, видя, что вся боль, о которой ты мне рассказываешь, минует его.

И тут мать закрыла глаза и прекратила речи, и испустила последний дух, словно более не могла находиться в присутствии Азрарна. Но когда она опустилась наземь, руки ее отпустили шаль, и та развернулась и открыла дитя, подобно лепесткам цветка.

И тогда невероятной глубины чувство пронзило Князя Демонов, ибо дитя это отличалось невероятной и совершенной красотой. Кожа его была белой, как алебастр, мягкие волосы были подобны янтарю, а члены и черты обладали столь чудной соразмерностью, словно бы некий скульптор тщательно выточил их. И Азрарн стоял и смотрел на него, а дитя открыло глаза, и были они темно-синими, подобно индиго.

Князь Демонов не сомневался более. Он поднял дитя и обернул его полой своего черного плаща.

— Утешься же, о дочь несчастья и стенаний,— сказал он.— Ты все же хорошо обошлась со своим сыном.

И он взлетел в небо в облике грозовой тучи, а спящее дитя прислонилось к нему подобно малой звезде.

Азрарн принес дитя в место в центре земли, где горы огня вздымались подобно тонким иззубренным и громадным копьям, а в небе царила темнота и вечно перекачивался гром. На всем лежал отблеск алого дыма из тех огненных гор, ибо каждая расселина разверзалась пламенеющим кратером. Таков был вход в страну демонов, место ужасающей красоты, куда редко заглядывали люди. Но вот Азрарн полетел над землей в облике тучи и услышал, как дитя смеется на его руках, вовсе не испытывая страха. И тут тучу поглотил зев одной из высочайших гор, которая не горела пламенем, но чернела непроглядной темнотой.

Вниз стремился колодец, внутрь горы и самой земли, и летел в нем Князь Демонов, Повелитель народов важдру, эшва и дринов.

Первыми встретили его агатовые врата, что открылись перед ним и с лязгом захлопнулись за спиной, а за агатовыми вратами стояли врата голубой стали, а за ними — ужасные врата черного пламени; но все они повиновались Азрарну. Наконец он достиг Подземья и вошел в Друхим Ванашта, Город демонов, и, вытащив серебряную свирель в виде бедренной кости зайца, заиграл на ней, и тут же демонический конь подскакал к Азрарну, и тот

вскочил ему на спину и помчался быстрее всякого ветра к своему дворцу. Там он поручил дитя заботам прислужниц-эшва и пригрозил им: случись что с ребенком, и дни их в Подземье более не будут днями радости и удовольствия.

И стало так, что в Городе демонов, во дворце Азрарна возрастал смертный ребенок, и с самого младенчества все, что он знал и считал естественным и привычным, было фантастическими, мрачными и исполненными волшебства чудесами Друхим Ванашта.

Красота царила вокруг, однако была она поражающей и странной, но никакой другой ребенок вокруг себя не видел.

Дворец же, снаружи из черного железа, внутри — из черного мрамора, заливал неизменный свет Подземья, сияние столь же бесцветное и холодное, как свет земных звезд, хотя и в несчетное количество раз более яркое, и свет этот проникал в покои Азрарна через оконные переплеты, забранные черным сапфиром, или тусклым изумрудом, или чернейшим рубином. Снаружи простирался сад — множество террас, где росли огромные кедры с серебряными стволами и черными как смоль листьями и цветы из бесцветного хрусталя. Там и тут посверкивал, подобно зеркалу, пруд, в котором плавали бронзовые птицы, а милые крылатые рыбки сидели на ветвях деревьев и пели, ибо под землей законы природы невероятно отличались от обычных. В центре

сада Аззарна пел фонтан; и била из него не вода, но пламя, алое пламя, не дававшее ни света, ни тепла.

За пределами дворцовых стен лежал большой и чудесный город, его башни из опала, стали, и меди, и нефрита поднимались к свету никогда не меняющегося неба. Над Друхим Ванашта никогда не всходило солнце. Город демонов был городом тьмы, порождением ночи.

Так ребенок рос. Он играл в мраморных залах, и обрывал лепестки хрустальных цветов, и спал на ложе теней. Сопровождали его любопытные призрачные существа из Подземья, птицерыбы и рыбоптицы, а также кормилицы-демоны с дивными лицами, бледными, как туман, руками и тихими голосами, в черных волосах которых сонно переплетались змеи. Иногда он подбегал к фонтану холодного красного пламени и долго смотрел в него, а потом говорил кормилицам: «Расскажите мне истории о других землях». Ибо был он требовательным, хоть и милым ребенком. Тем не менее женщины-эшва Друхим Ванашта могли лишь легонько покачиваться при звуке его слов и сплетать меж пальцев картины деяний своего народа, ибо мир людей был для них подобен лихорадочному сну, путаному, хоть и по-своему очаровательному, и недоброму; впрочем, для них же это было вовсе не злом, но правильным порядком вещей.

И еще одно существо приходило и уходило, навещая ребенка, и от него сложнее было добиться

ответа, чем от прекрасных глуповатых женщин с нежными волосами-змеями. То был красивый, высокий и стройный мужчина, что неожиданно появлялся со взмахом плаща, подобного орлиным крыльям, и волосы его были иссиня-черными, а глаза пронзительными, как у мага, и оставался он лишь на мгновение, окидывал ребенка взглядом, улыбался — и исчезал. Хотел бы мальчик расспросить этого удивительного человека, ибо чувствовал, что тот наверняка знает все истории, какие только ни рассказываются на этом свете, но получалось лишь вскидывать на него полный немого обожания и любви взгляд — и орлиный плащ уносил с собой таинственного незнакомца.

Время демонов течет не так, как время людей. В сравнении с ним смертное бытие подобно короткому сроку жизни стрекозы. Вот почему, когда Князь Демонов отправлялся по своим полуночным делам в мир людей или покидал его, ребенок, вскидывая на него взгляд, думал, что видит человека в чернильно-черном плаще единожды или дважды в год, в то время как Азрарн, с его точки зрения, навещал воспитанника дважды в день. Тем не менее ребенок не ощущал себя заброшенным. Поклоняясь незнакомцу, он ни о чем не просил — на самом деле даже и подумать не мог о подобном. Что до Азрарна, то он приходил часто, ибо испытывал огромный интерес к смертному мальчику, или, скажем, огромный интерес к тому, чем мальчик должен был стать.

И вот мальчик вырос и превратился в юношу шестнадцати лет.

Важдру, вельможи Друхим Ванашта, иногда смотрели, как он идет по высоким террасам дворца их владыки, и один из них говорил такие слова: «Этот смертный и впрямь прекрасен сверх всякой меры, он сияет, подобно звезде». А другой отвечал: «Нет, он сияет, подобно луне». И тогда одна из высокородных демонесс тихонько посмеивалась и говорила: «Более он подобен другому светилу земных небес, и нашему изумительному Князю хорошо бы поостеречься...»

Юноша стал прекрасен собой, как и предвидел это Азрарн. Прямой и тонкий, как меч, белокожий, с волосами, подобными горячим красным углям, и глазами цвета вечерних сумерек,— о, таковых не много сыщешь в Подземье, не говоря уж о верхнем мире.

Однажды шел он по саду среди кедров и услышал, как прислужницы из эшва вздыхают и кланяются в пояс, подобно тополям на ветру, ибо таков был их способ выказать почтение своему Князю. Быстро обернулся юноша и увидел на тропе перед собой Азрарна. Смертному показалось, что особый посетитель отсутствовал дольше, чем обычно; возможно, некое необычно сложное дело задержало его на земле — будь то совращение чьего-то живого ума или погибель некоего благородного царства,— так что, похоже, лет пять юноша его не видел. А теперь темное сияние славы вспыхнуло таким страш-

ным блеском, что смертному захотелось вдруг прикрыть глаза, словно от яркого света.

— Что ж,— сказал Азрарн, Князь Демонов,— похоже, я замечательно выбрал ту ночь на холме.

И, подойдя ближе, он положил руку на плечо юноши и улыбнулся ему. И причинило то прикосновение радость и боль, подобные удару копья, и улыбка была подобна старейшему заклинанию, и смертный не смог выговорить ни слова и лишь дрожал.

— Теперь слушай меня,— сказал Азрарн,— ибо это единственный тяжелый урок, который я тебе преподам. Я правитель этого места, этого города и этой страны, и также мне подвластно всякое волшебство, и я — Владыка Тьмы, так что ночные существа подчиняются мне, будь то на земле или под землей. Тем не менее я пожалею тебе дары, которые нечасто жалуются смертным. Ты станешь для меня сыном и братом. И я полюблю тебя, ибо как я есть то, что я есть, а потому не дарю свою любовь легкомысленно, однако, если уж дарю, то навсегда. Только помни вот что: если ты когда-нибудь станешь моим врагом, знай — жизнь твоя уподобится праху и песку на ветру. Ибо что демон любит и теряет, то он уничтожит, а сила моя превосходит все то, что тебе доселе известно.

Но юноша, неотрывно глядя в глаза Азрарну, ответил:

— Ежели я навлеку на себя твой гнев, повелитель, что ж, лучше мне умереть.

Солнечный свет

Азрарн наделил юношу именем. Он назвал его Сивеш, что на языке демонов означает Прекрасный, а возможно, Благословенный. Он сделал Сивеша своим товарищем и осыпал, как и обещал, невообразимыми дарами. Он дал ему способность выпускать стрелу дальше и точнее, чем всякий человек или демон, и сражаться мечом так, словно бы в руке он держал десять мечей. Прикоснувшись к его лбу нефритовым кольцом, он сделал так, чтобы юноша мог говорить и писать на каждом из семи языков Подземья, а коснувшись его жемчужным кольцом — на каждом из семидесяти языков людей. А заклинанием, более древним, чем самый мир, он защитил его от ран, что наносит всякое существующее оружие, будь то сталь или камень, дерево или железо, змеиный яд, яд из растений или огонь. Только от воды не смог он его уберечь, ибо моря не принадлежали царствам земли и управлялись своими владыками. Так или иначе, Азрарн собирался однажды взять с собой юношу в холодные голубые страны Надземья и обманом заставить Хранителей Священного Колодца дать Сивешу испытать эликсир Бессмертия.

Тем временем юноше предстояло многое увидеть и сделать, ибо нынче он не только сопровождал Князя в блужданиях по Друхим Ванашта

и имел часть во всех его чудесных наслаждениях, но и скакал рядом с ним по диким пустошам Подземья. Азрарн дал ему, среди прочих даров, демонскую лошадь — кобылу с гривой и хвостом, подобным голубому дыму, отличающуюся особым свойством — скакать по воде как посуху. Азрарн с Сивешем мчались галопом через озера Подземья, под ветвями деревьев из серебра или кости, или отправлялись охотиться с красно-кровавыми псами на берега великой Реки Сна, где вместо тростника рос белый лен. На этих берегах Азрарн охотился не на оленей или зайцев или даже львов, ибо мелочная жестокость человеческого рода — ничто в сравнении с безграничной жестокостью рода демонов. Важдру охотились на души спящих людей, что бежали, издавая жалостные вопли, перед псами; и поскольку лишь души безумных или лежащих при смерти становились добычей псов и лишь их те могли нагнать и разорвать — и то в конце они сбегали от собачьих клыков, — то была лишь забава для демонов. И Сивеш, который не помнил, кто он, и не знал иных законов, кроме законов Тьмы, весело и бездумно охотился со своим владыкой.

Однажды Азрарн страстно возжелал вернуться на землю над собой. И тогда он взял с собой Сивеша. Путешествовали они, конечно же, ночью, ибо демонам не по душе свет дня. Азрарн поднялся из кратера вулкана в облике орла, а Сивеша он превратил в перышко на своей груди. Все выше в небо

они поднимались, и перышко дрожало у его сердца. Внизу пылали кратеры огненных гор, над ними рдел лик луны, обернутый покрывалом неба, и звезды рассыпались по нему, как алмазы. «Я ни разу еще не видел такого сияния,— подумал Сивеш.— Фонтан в саду не дает ни света, ни тепла». Ведь он был дитя земли, хоть и забыл об этом. А его смертная душа тянулась, сама того не замечая, к родине.

И так, видя, что Сивешу по нраву земной мир, Азрарн стал проводить в нем много времени.

Временами, надев одежды путников, они заходили в ночные города людей и тайно проникали в сокровищницы царей, и все драгоценные камни и металлы, что они находили там, Азрарн превращал в кучи пыли и увядших листьев, ибо находил в этом удовольствие. И часто они сбивали с верного пути караваны в пустыне или отправляли корабль на верную гибель среди скал враждебного берега. Но все это было подобно детским играм для Азрарна, а его злонамеренность превышала всякую меру и была сколь утонченной, столь и беспримерной. Тем не менее сердце его радовалось от того, как бездумно и довольно подчиняется ему Сивеш, и от того, что юноша выказывал немалые способности. Азрарн баловал его, как любимого ребенка.

Тогда однажды ночью, по пути с холмов одного земного царства, где они оставили за собой пламя и смертоубийство, скакали они на демонических конях Подземья с дымными гривами и встретили у

дороги древнюю высохшую старуху-ведьму. Увидев перед собой всадников на нездешних скакунах, она тут же выкрикнула:

— Да будет благословенно имя Темного Владыки, и да не причинит он мне вреда!

На что Азрарн с улыбкой ответил:

— Довольно вреда уже причинили тебе когти времени.

— Истинно так,— воскликнула ведьма, и глаза ее жадно заблестели.— Может ли Темный Владыка оказать благодеяние и вернуть мне юность?

На что Азрарн холодно рассмеялся:

— Я нечасто оказываю благодеяния, старуха. Но хоть я не верну тебе юность, я сделаю так, что ты более не будешь стареть!

И молния выскользнула у него из руки и ударила ведьму. Нет мудрости в том, чтобы просить блага у демона.

Но ведьма не умерла сразу и, лежа на земле, устремила свой взгляд на Сивеша. Заметив, как красиво его лицо, поняла она, что тот из смертных людей, и проговорила:

— Смейся надо мной, пока можешь. Ты, рожденный на земле, тоже глупец, раз доверяешь демонам и их роду и скачешь на кобыле из дыма и ночи. Что демоны любят, они в конце убивают, а дары их приносят в западню. Так пусть тающий конь никуда не отвезет тебя, ибо мечты тебя предадут.

И тогда она опустила голову и прекратила свои речи.